

УДК 141.13(430)(09)

Учение Гегеля о национальном государстве как суверене

А. Ю. Дудчик, аспирант*

В статье анализируется гегелевское учение о государстве, основанное на понимании национального государства как суверена и как источника права. Рассматриваются проблемы оснований международного права и взаимоотношений между государствами в гегелевской философии.

Hegel's Theory of Nation-State as a Sovereign

A. Dudchik, Postgraduate Student

The article is devoted to the analysis of Hegel's theory of State, based on understanding of nation-state as a sovereign and as a source of law. Problems of foundation of international law and relations between states are analyzed.

Тема кризиса национального государства в эпоху глобализации является одной из наиболее значимых для современного социально-гуманитарного познания (см., например, [1–3]). Примечательно то, что параллельно с констатацией этого кризиса сегодня осуществляются разработка и прогнозирование альтернативных видов и форм политической организации общества. В этом контексте чрезвычайно актуальными становятся проблемы выявления сущности государства, его основных функций, границ компетенции, а также взаимоотношений между государствами. Вполне оправданным и эвристичным оказывается, на наш взгляд, обращение к политической философии Гегеля как одной из попыток философского осмысления сущности современного национального государства и, соответственно, его имманентных границ.

Анализируя современные интерпретации гегелевской философии, следует отметить, что достаточно большое внимание в них уделяется рассмотрению ее в качестве концептуализации идей эпохи модерна (см., напр., работы Ю. Хабермаса [4], М. Ф. Быковой [5] и др.). При этом акцент делается преимущественно на гегелевской онтологии и основывающихся на ней понятиях субъективности и модерна, а политической философии уделяется недостаточное внимание. Здесь следует вспомнить, что сам проект модерна ведет, по мнению Ю. Хабермаса, в том числе и к «осуществлению центральной политической власти и формированию национальных идентичностей» [4, с. 17], т. е. к возникновению национального государства современного типа. Как отмечают многие исследователи (например, британец Э. Смит), «со времен Французской и Американской революций „национальное государство“ стало доминирующей, а вскоре

и почти единственной легитимной формой политической организации» [6, с. 138]. Неудивительно, что в философии Гегеля большое внимание уделяется именно разработке понятия государства. Отметим, что Гегель является одним из основоположников традиции рассмотрения современного государства как существенно отличающегося от предшествующих ему форм политической организации. Иногда гегелевский интерес к теме государства рассматривают как результат увлечения молодого Гегеля идеями романтизма с его идеализацией «народа». Так, американские исследователи Р. Палан и Б. Блэр следующим образом характеризуют умонастроение той эпохи в целом: «Возник мощный и мобилизующий образ немецкого народа... Встреча этого романтического образа с практической необходимостью в новых внешнеполитических отношениях породил огромный интерес к „идее государства“ — в противовес довольно жалким земным воплощениям этой идеи в Германии того времени» [7]. Как пишет о Гегеле конца XVIII в. немецкий исследователь Р. Гайм, «состояние и положение, в котором находилось его собственное отечество, внушили ему решимость выступить на поприще политического писательства» [8, с. 41]. Несомненно, ранние работы Гегеля, посвященные анализу политических проблем, достаточно критичны по отношению к существовавшему тогда положению вещей и политической власти. Однако критика современного ему состояния упадка осуществляется философом с позиций государственника, а само понятие государства выступает как несомненная ценность и благо, безотносительно к тем социальным функциям, которые оно может выполнять. Так, в ранней гегелевской работе «Конституция Германии», посвященной системному кризису тогдашнего немецкого государства и путям его преодоления, сама ситуация кризиса зафиксирована в краткой, но содержательной

* Научный руководитель — доктор филос. наук, профессор Т. Г. Румянцева.

характеристике, начинающей работу: «Германия — больше не государство» [9, с. 65]. Далее, Гегель раскрывает свое понимание государства и поясняет, почему Германия ему не соответствует. Прежде всего, он исходит из понимания государства как целого, которому подчиняются все его части. Целым же государство делается только благодаря наличию общей цели — способности противостоять внешней угрозе. В сущности, уже в этой работе указаны важные черты гегелевского понимания государства: во-первых, как целого и, во-вторых, как суверена. В силу значимости последнего понятия и производных от него «суверенности» и «суверенитета» остановимся на них более подробно.

В современной политологии суверенитет рассматривается как один из основных признаков государства и определяется как «верховная власть на определенной территории. В любом современном обществе имеется множество властей... но высшей властью, решения которой обязательны для всех граждан, организаций и учреждений, обладает государство» [10]. Для Гегеля понятие суверена является первичным, он исходит из понимания государства как субъекта, конституирующей чертой которого является не столько его власть, сколько воля. В качестве регулятора воли выступает право, однако воля одновременно является и его основанием. Исходя из подобного понимания суверена, Гегель делает акцент на суверенности как сущностной особенности государства: «суверенитет... существует только как уверенная в себе субъективность и как абстрактное и тем самым не имеющее основания самоопределение воли» [11, с. 319]. Суверенитет, как считает Гегель, укоренен в духовных и нравственных представлениях конкретного народа, но лишь при обретении собственного государства этот суверенитет реализуется вовне: «народ сначала еще не есть государство, и переход ... в состояние государства составляет в нем формальную реализацию идеи вообще» [11, с. 373]. При этом суверенность государства вовсе не противоречит идее права. Напротив, суверенность является сущностным основанием права, поскольку «с точки зрения идей правовой государственности существенно отметить то, что принцип суверенности государства, признаваемый гегелевским и иным этицизмом, является по существу одновременно и правовым требованием, необходимым условием для любой концепции и практики существования права и правового государства» [12, с. 31]. Остальные черты государства, хотя и признаются Гегелем важными, носят второстепенный характер. Так, философ отмечает, что: «характер же вытекающих из этого особых воздействий и аспек-

тов подобного объединения, специфическое их устройство безразличны с точки зрения того, образует ли данная масса людей определенную власть; что касается вида и способов осуществления власти, то они вообще могут быть самыми разнообразными» [9, с. 76–77].

Частное право, по мысли Гегеля, призвано регулировать сферу, которая возникает в результате самостоятельной деятельности граждан, того, что впоследствии он назовет гражданским обществом. Государство, стремящееся контролировать область, относимую к компетенции гражданского общества, Гегель сравнивает с бездушным механизмом. Сама метафора «механизма», достаточно традиционная для языка романтиков, используется уже в ранних гегелевских работах, посвященных религиозной проблематике, и имеет явно выраженный негативный оттенок. Американский исследователь Н. Росс пишет по поводу гегелевского понятия механизма: «Для Гегеля... оно напрямую соотносится с проблемами политического действия и суверенности» [13, с. 43–44]. Государство, берущее на себя часть функций гражданского общества, по мысли Гегеля, превращается в механизм, не являющийся действительным политическим сувереном.

Интересно, что в более поздних работах Гегель будет рассматривать государство в качестве механизма, противопоставляя такое понимание его механицистской трактовке в качестве аппарата. Важно отметить и то, что для Гегеля «идея политического организма — не только объяснение организации государства, но и основание для способа познания, соразмерного сущности государства» [14, с. 314]. С методологической же точки зрения, например, Гегель критикует теорию разделения властей, исходящую, по его мнению, из абстрактного понимания этого разделения: «в понимании абстрактного рассудка в нем заключается частью ложное определение абсолютной самостоятельности властей по отношению друг к другу, частью одностороннее понимание их отношения друг к другу как негативного, как взаимного ограничения» [11, с. 309]. При этом он, конечно, не отрицает значимости разделения властей ни в теории, ни в реальной политической практике.

Отметим, что Гегель настаивает на необходимости политического разделения сфер государства и гражданского общества. Философ подчеркивает важность подобного разделения, утверждая, что государство должно в первую очередь заниматься отношениями власти, т. е. выполнять политические функции. Как пишет о Гегеле Ю. Хабермас: «Он первый, кто вместе с тем и терминологически выразил подобающую современному обществу поня-

тийность, отделив политическую сферу государства от „гражданского общества“» [4, с. 45]. С другой стороны, не следует забывать, что Гегель «никогда не рассматривал государство и гражданское общество как независимые и противостоящие друг другу области человеческой активности... напротив, он понимал их, как и другие „моменты“ права, в качестве конститутивных элементов единой, всеохватной, органической реальности» [14, с. 8–9].

Существенным моментом гегелевского учения о государстве является и его критика теории «общественного договора» (по словам В. С. Нерсисянца, «фикции договорной теории государства — договорного происхождения и договорного определения сущности и целей государства» [16, с. 422]). Так, Гегель «отрицает понимание государства как „результата соглашения“ ... в его эмпирической (Гоббс) и формальной (Кант) версиях ... он не приемлет современный индивидуализм, отдавая приоритет классическому идеалу государства» [12, с. 13]. Позитивная философская позиция, которой придерживается философ, исходит из логического, онтологического и методологического приоритета государства как целого, основывающегося на духовном и нравственном единстве народа. В «Философии права» он подчеркивает: «Поскольку оно [государство] есть объективный дух, сам индивид обладает объективностью, истиной и нравственностью лишь постольку, поскольку он член государства» [11, с. 279]. Таким образом, первичным и существенным для Гегеля оказывается понимание государства как целостности и субъекта, т. е. как суверена. Философ подчеркивает, что инструменталистское понимание государства будет неверным: «особенные функции и власти государства не имеют самостоятельной и прочной основы ни для себя, ни в особенной воле индивидов, а имеют свой последний корень в единстве государства в качестве их простой самости, составляют суверенитет государства» [11, с. 317].

Рассматривая различные типы государственно-го устройства, наиболее оптимальной Гегель называет конституционную монархию (существовавшую в современной философу Пруссии). Можно отметить, что в данный исторический период происходит переосмысление самого понятия суверена: «появление современного государства, воплотившегося во Французской революции и наполеоновских имперских кампаниях, представляло собой нечто дотоле неизвестное европейской истории... В тот период понятию „суверен“ (король), самому устойчивому элементу старого порядка, предстояло превратиться в „народ — носитель суверенитета“» [7]. В этом смысле конституционную монар-

хию можно считать своеобразным синтезом представлений о суверене как монархе и как народе. С другой стороны, выбор конституционной монархии достаточно тесно связан с гегелевским пониманием государства как суверена. Обосновывая преимущества конституционной монархии, Гегель отмечает, что в ней в наибольшей степени проявляется особенный характер государства: «субъективность в своей истине есть только в качестве субъекта, личность — только в качестве лица... поэтому таким абсолютно решающим моментом целого является не индивидуальность вообще, а индивид, монарх» [11, с. 319]. При этом наличие конституции призвано ограничить волеизъявление как монарха, так и народа, которое может вести к беззаконию и деспотии: «в благоустроенной монархии объективная сторона принадлежит только закону, к которому монарху надлежит добавить лишь субъективное „я хочу“» [11, с. 324]. При этом здесь явно просматривается гегелевская идея разделения полномочий между государством и гражданским обществом. Как справедливо отмечает канадская исследовательница Э. Даймонд, «несмотря на неразумность принципа наследственной монархии с современной точки зрения, гегелевские аргументы в ее пользу как формы правления, в которой осуществляется четкое разделение государства и общества, становятся актуальными сегодня: решая проблему неизбежной политизированности деятельности избираемого главы государства, который оказывается погруженным в политическую борьбу и не может встать над политической схваткой противостоящих друг другу групп внутри гражданского общества» [17].

Следующей за областью внутреннего государственного права оказывается область права внешнего, которое органично следует из гегелевского понимания государства. Как пишет философ, «Государство не есть действительный индивид вне его отношения к другим государствам» [11, 364]. Более того, он подчеркивает, что важной особенностью конституирования государственного суверенитета является признание со стороны других государств: «Каждое государство обладает суверенной самостоятельностью по отношению к другому... быть таковым для другого, т. е. быть признанным им, есть его первое абсолютное право» [11, 365]. Так, с одной стороны, легитимность государства обращена вовнутрь, с другой стороны — признается другими государствами. Поэтому взаимное признание оказывается существенным условием для системы международного права, которое, с гегелевской точки зрения, принципиально отличается от внутреннего государственного права, поскольку

ку носит договорной характер, соотносимый Гегелем с договорными отношениями в рамках гражданского общества. При этом важным является не столько само содержание международного права («материя этих договоров неизмеримо менее многообразна» [11, с. 366]), сколько само признание этих договоров и их выполнение. Поэтому основанием для международного права будет не всеобщая воля (как в случае государственного права), а воля особенная (т. е. суверенная и носящая во многом случайный характер). Отметим, что в современной политологии государство рассматривается в качестве суверена и субъекта международного права.

Порой гегелевскую политическую философию характеризуют как «реалистическую». Так, Х. Отманн, используя подобную характеристику, поясняет, что позиция Гегеля близка так называемой «интерпретационной» стратегии осмысления политической реальности. «Интерпретатор уже находит себя принадлежащим к конкретному обществу... и критикует это общество на основании его собственных стандартов и критериев» [18, с. 29]. Под реализмом в данном случае понимается отказ от идеализации действительного положения вещей и интерес скорее к сущему, нежели к должному (с учетом специфики гегелевского понимания этих категорий). Так, в предисловии к «Философии права» Гегель отмечает, что «в качестве философского сочинения она должна быть дальше всего от того, чтобы конструировать *государство таким, каким оно должно быть*; содержащееся в нем поучение не может быть направлено на то, чтобы поучать государство, каким ему следует быть; его цель лишь показать, как государство, этот нравственный универсум, должно быть познано» [11, с. 55].

В значительной степени гегелевский реализм проявляется и в его подходе к проблеме международных отношений. Не случайно Р. Палан и Б. Блэр говорят о немецком идеализме, и о философии Гегеля в особенности, как о своеобразном идейном предвосхищении политологической школы реализма, занимавшейся теорией международных отношений. Представители политического реализма (Г. Моргентхау, Дж. Кеннан, З. Бжезинский, У. Ростоу, С. Хантингтон) исходят из приоритета интересов того или иного государства и говорят о неизбежности конфликтов между государствами в борьбе за политическую власть.

Здесь следует отметить, что, несмотря на определенное сходство воззрений Гегеля и представителей школы политического реализма, существуют и существенные отличия в понимании ими сущности государства и конфликтов между госу-

дарствами. Так, например, немецкий исследователь А. Хёрберг-Рёте, сравнивая гегелевское понимание войны с пониманием Клаузевица (как еще одного «реалиста»), и находя в них много общего, отмечает и принципиальное различие. Он пишет, что «гегелевское понимание государства через самосознание свободы и закона через реализацию свободы противоположно концептуализации политики как силы и власти... Гегель утверждает, что сила вовсе не является основанием закона; она — исходная точка, внешняя по отношению к государству, но не его сущностный принцип» [19, с. 150]. Х. Отманн также подчеркивает неверность причисления Гегеля к реалистам, отмечая, что «гегелевский политический реализм — реализм другого рода ...он следует из самой сути гегелевской философии. Уже сами подвергающиеся критике положения и следствия гегелевского учения, его стремление отождествить действительное и разумное, указывают на реалистические тенденции в его философии» [18, с. 28].

Важно отметить, что Гегель не рассматривает систему международных отношений отдельно, как самостоятельную область для философского изучения (саму проблематику взаимоотношения между государствами он рассматривает как продолжение рассмотрения государства — область внешнего государственного права). Можно предположить, что это делается им сознательно, поскольку «выделение международных отношений в отдельную систему могло бы привести к мысли, что это просто случайные и хаотичные отношения между государствами... превосходство одного общества над другим было бы результатом простого могущества, а не разума» [7]. Поэтому высказывания о «гегелевской теории международных отношений» не совсем корректны. Ну, и, конечно же, сфера отношений между государствами не понималась им как хаотическое противостояние. Сам философ пишет: «Государства как таковые независимы друг от друга, и отношение между ними может быть только внешним, поэтому над ними должно быть связующее их третье. Это третье есть дух, который во всемирной истории сообщает себе действительность и представляет собой абсолютного судью над нею» [11, с. 285]. Не будем забывать, что философия права, по Гегелю, изучает идею государства в различных ее проявлениях. В качестве третьей ступени, следующей за внутренним и внешним государственным правом, он выделяет область всемирной истории: «идея государства... есть всеобщая идея как род и абсолютная власть, противопоставляющая себя индивидуальным государствам, дух, который сообщает себе в

процессе всемирной истории свою действительность» [11, с. 285]. Поэтому процесс исторического взаимодействия государств понимался Гегелем как разумный и упорядоченный, несмотря на наличие в нем конфликтов и войн.

Скорее, здесь следует говорить о достаточно серьезной теоретической проблеме возможности обоснования международного права, и тесно связанной с ней проблеме возможности мирового государства. Проблема взаимоотношений между государствами ставится Гегелем, но, фактически, не находит адекватного правового решения. Система отношений между государствами конституируется на основании представлений о государстве как суверене и предельной политической реальности. Однако сама подобная система оказывается достаточно нестабильной, так как отсутствует некий гарант международного права (каковым в своих пределах выступает само национальное государство). В подобной ситуации, по Гегелю, неизбежна борьба между государствами (и, соответственно, проблематично достижение «вечного мира»). В сущности, уже в тот период складывания новой системы отношений между государствами в «Философии права» зафиксирована важная тема, более чем актуальная и для современной международной политики (например, ситуация с проблемой признания независимости Косово).

В принципе, эта проблема была обозначена еще в работе «О научных способах исследования естественного права». Сама возможность международного права, т. е. права, которое регулировало бы отношения между суверенными государствами, вызывает у Гегеля сомнения: «попытка определить в области международного права отношения абсолютно независимых и свободных народов, являющихся нравственными целостностями как отношения, устанавливаемые гражданским договором, непосредственно касающимся единичности и зависимости субъектов, сама по себе внутренне противоречива» [20, с. 264]. Эту же позицию он занимает и в «Философии права», в которой отмечает, что «не существует власти, которая в отношении государства решила бы, что есть в себе право, и осуществляла бы это решение» [11, с. 364]. Действительно, государственное право находит свое основание в суверенной воле государства. Возможному же международному праву для обоснования также требуется какой-либо реальный субъект, обладающий политической волей и способный осуществить реализацию правовых норм.

К идее союза государств («международного сообщества») как субъекта международного права

Гегель относится скептически. Прежде всего, подобный субъект будет с неизбежностью обладать относительным характером, возникая в результате конкретных исторических обстоятельств. Но более важным оказывается следующее возражение: подобное образование будет лишено основания, которым для государства является его укорененность в духе народа и в его нравственных представлениях.

Говоря о кантовской идее «вечного мира», Гегель не столько критикует ее как идеалистическую, и даже не отрицает саму ее возможность. Он отмечает ее относительный характер, так как она «предполагает согласие государств, которое исходило бы из моральных, религиозных или любых других оснований и соображений, вообще — всегда из особенной и суверенной воли и вследствие этого оставалось бы зависимым от случайности» [11, с. 366–367].

Подведем краткие итоги. Анализируя государство, Гегель делает акцент на его суверенном характере, а область международных отношений рассматривается им как продолжение внутригосударственного права. При этом конституируется система договорных отношений между государствами, основанная на понимании государства как суверена. Однако подобная система оказывается достаточно нестабильной, так как отсутствует некий гарант международного права. В подобной ситуации, по Гегелю, неизбежна борьба между государствами (и, соответственно, проблематично достижение «вечного мира»). Поэтому можно говорить об определенном «реализме» в гегелевском подходе к мировой политике. Тем не менее, определенный правовой хаос в международной политике «снимается» в гегелевском понятии мировой истории. Таким образом, следует отметить, что, достаточно подробно проанализировав сущность суверенного современного государства, философ одновременно обозначил и его имманентные пределы. Гегель рассматривает теоретические основания современной международной политики, которая исходит из понимания приоритетности и суверенности государства, но одновременно оказывается в ситуации фактической невозможности обоснования норм международного права. Последнее, по мнению Гегеля, носит договорной характер, что является причиной для перманентных столкновений между государствами. Как показывают события начала XXI в., идеи немецкого философа остаются не только востребованными с теоретической точки зрения, но и приобретают все большую политическую актуальность в связи с возможными существенными изменениями в современном мироустройстве.

Список цитированных источников

1. Бек, У. Что такое глобализация / У. Бек. — М., 2001.
2. Бауман, З. Глобализация. Последствия для человека и общества / З. Бауман. — М., 2004.
3. Crevelde, M. van. The Rise and Decline of the State / M. van Crevelde. — Cambridge, 2004.
4. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. — М., 2003.
5. Быкова, М. Ф. Гегелевский феномен современности, или Насколько Гегель близок к модерну / М. Ф. Быкова // Логос. — 2001. — № 5–6 (31).
6. Смит, Э. Национализм и модернизм / Э. Смит. — М., 2004.
7. Палан, Р. Об идеалистических истоках реалистической теории международных отношений / Р. Палан, Б. Блэр // Неприкосновенный запас. — 2005. — №5 (43).
8. Гайм, Р. Гегель и его Время / Р. Гайм. — СПб., 2006.
9. Гегель, Г. В. Ф. Конституция Германии / Г. В. Ф. Гегель // Политические работы / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1978.
10. Пугачев, В. П. Введение в политологию / В. П. Пугачев, А. И. Соловьев. — М., 2000 [Электронный ресурс]. — 2007. — Режим доступа: http://libukraine.info/libua_102113.html. — Дата доступа: 08.04.2009.
11. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1990.
12. Cristi, R. Hegel on Freedom and Authority / R. Cristi. — Cardiff, 2005.
13. Ross, N. On Mechanism in Hegel's Social and Political Philosophy / N. Ross. — N. Y., London, 2008.
14. Wolff, M. Hegel's Organicist Theory of the State: On the Concept and Method of Hegel's „Science of the State“ / M. Wolff // Hegel on Ethics and Politics. — Cambridge, 2004.
15. Steinberger, P. J. The Idea of the State / P. J. Steinberger. — Cambridge, 2004.
16. Нерсесянц, В. С. Примечания и комментарии / В. С. Нерсесянц // Политические работы / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1978.
17. Diamond, E. Hegel's Defence of Constitutional Monarchy and its Relevance within the Post-National State / E. Diamond // Animus [Электронный ресурс]. — 2004. — Vol. 9. — Режим доступа: <http://www.swgc.mun.ca/animus/2004vol9/diamond.pdf>. — Дата доступа: 01.05.2007.
18. Ottmann, H. Realizm polityczny Hegla / H. Ottmann // Filozofia polityczna Hegla. — Poznań, 2007.
19. Herberg-Rothe, A. Clausewitz's Puzzle. The Political Theory of War / A. Herberg-Rothe. — Oxford, 2007.
20. Гегель, Г. В. Ф. О научных способах исследования естественного права / Г. В. Ф. Гегель // Политические работы / Г. В. Ф. Гегель. — М., 1978.

Дата поступления статьи в редакцию: 16.02.2009 г.